

Г. Л. КУРБАТОВ

ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ
РУССКОЙ ВИЗАНТИНИСТИКИ

(В. Г. Васильевский в Германии)

Общеизвестна роль В. Г. Васильевского в создании и развитии русской школы научного византиноведения, его огромное влияние на последующую эволюцию русской византистики. Его труды быстро выдвинули русское византиноведение на одно из первых мест в мировой науке. Поэтому для нашей историографии большой интерес представляют данные научной биографии Васильевского, особенно раннего периода, когда он формировался как ученый. Они очень немногочисленны, и их порой приходится собирать по крупицам. Среди них есть и сведения о связи Васильевского с немецкой наукой, оказавшей на него влияние, в частности, в период его стажировки в Германии в 1862—1864 гг.

Его знакомство с немецкой наукой, по-видимому, в основном началось во время обучения в Ярославской семинарии. По воспоминаниям его друга, русского либерального историка В. И. Модестова, Васильевский уже в ту пору великолепно владел немецким языком и прочитал большую часть общих работ 30—40-х годов по всемирной истории¹.

Его представления о немецкой науке дополнились в Главном педагогическом институте в Петербурге, куда Васильевский поступил в 1856 г. Там он занимался у ряда профессоров, тесно связанных с немецкими научными школами и проходивших подготовку при различных германских университетах.

К их числу следует прежде всего отнести М. С. Куторгу, оказавшего несомненное влияние на становление научных воззрений и формирование исследовательских методов Васильевского.

Куторга, которого В. П. Бузескул не без оснований называл «первым самостоятельным исследователем в области древнегреческой истории»² в России, был одним из создателей исторической школы Петербургского университета³. В эти годы он вел занятия и в Главном педагогическом институте. Васильевский был не только одним из его слушателей — Куторга стал позднее и руководителем его магистерской диссертации.

Начало связям Куторги с немецкой наукой положили занятия у профессоров — выучеников германских университетов, учеников «стар-

¹ В. И. Модестов. В. Г. Васильевский (Время высшего образования и приготовления к кафедре). — ЖМНП, 1901, ч. 329, стр. 140.

² В. П. Бузескул. Всеобщая история и ее представители в России, ч. I. Л., 1931, стр. 100.

³ С. Н. Валк. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет. — «Труды юбилейной научной сессии». Л., 1948, стр. 30.

шего поколения немецких филологов-классиков, которые за своим учителем Х. Г. Гейне и в лекциях, и в ученых занятиях главное внимание обращали на эстетическую, художественную сторону древней культуры, не касаясь, как правило, реалий (особенно политического и социального характера)»⁴. На формирование Куторги, как и многих ученых его поколения, оказало влияние и развитие нового критического направления, зародившегося в Германии⁵. Важную роль в ознакомлении с новыми направлениями немецкой науки для Куторги и других сыграла их подготовка в Профессорском институте в Дерпте и последующая командировка в Берлин, где Куторга слушал лекции А. Бека и Леопольда Ранке, учеников Гегеля—Генинга, Михелета, Ганса — по философии. Его интерес к внутренней жизни древнегреческого общества, проблемам социального развития был во многом связан с влиянием его учителя Августа Бека⁶.

В своей исследовательской деятельности он был последовательным сторонником критического метода, распространение которого способствовало бесспорному подъему классической филологии, совершенствованию критики источников. В то же время Куторга выступал против крайностей гиперкритицизма, широко распространившихся тогда среди западноевропейских филологов⁷. В известной мере Куторге Васильевский был обязан как развитием своего интереса к проблемам политической и социальной истории, так и овладением современными методами работы над письменными источниками, в частности, методом их глубокого филологического анализа. Однако Куторга, хотя ему и принадлежит первая в русской историографии работа о рабах и вольноотпущенниках, так и не пришел к признанию важного значения социально-экономических факторов, не смог вырваться из круга характерного для его эпохи широкого гегельянского историко-философского подхода к проблемам истории, представлений о доминирующем значении проблем политической истории античности, идей гражданственности и свободы⁸. С этим связано его преимущественное внимание к литературным памятникам.

Значительно большее влияние на формирование научно-исследовательских интересов и методики Васильевского оказал другой профессор Главного педагогического института — Н. А. Благовещенский, которого сам Васильевский признавал одним из основных своих учителей. Благовещенский в начале 40-х годов также проходил подготовку к профессуре в немецких университетах. Он специализировался по римской литературе. Помимо лекций Шпенгеля и Шлоссера, он посещал занятия А. Вестерманна, слушал «археологию» — «римские древности» у Крайцера⁹, изучал греческую и римскую литературу и искусство у проф. Хаупта и Беккера¹⁰.

⁴ Э. Д. Фролов. Русская историография античности (до середины XIX в.). Изд-во ЛГУ, 1967, стр. 118—119.

⁵ Там же, стр. 119.

⁶ Там же, стр. 132.

⁷ М. С. Куторга. Очерк новейших историков Западной Европы. — «Библиотека для чтения», т. 99, 1850, отд. III.

⁸ О взглядах М. С. Куторги см.: А. Д. Константинова. Жизнь и научная деятельность М. С. Куторги. — В сб.: «Вопросы историографии всеобщей истории», вып. 2. Казань, 1967, стр. 80—122; *ее же*. К вопросу о научных взглядах М. С. Куторги. — В сб.: «Вопросы истории, филологии и педагогики». Казань, 1968, стр. 23—28; *ее же*. Проблемы античного рабства в трудах М. С. Куторги. — В сб.: «Вопросы историографии всеобщей истории», вып. 1. Казань, 1964, стр. 55—58; М. А. Аллатов. Мирозрение М. С. Куторги и его концепция истории Древней Греции. — ВДИ, 1955, № 3 и др.

⁹ «Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского СПб. Университета», т. I. СПб., 1896, стр. 54—55.

¹⁰ В архиве Лейпцигского университета сохранились данные о пребывании Н. А. Благовещенского в Лейпциге (1842—1844), список прослушанных и сданных им курсов: Archiv der Karl-Marx Universität Leipzig. Rep. I, Cap. XVI. Verzeichnis de-

Благовещенский впоследствии занимался преимущественно римской са-тирой, но как ученого и преподавателя его выгодно отличало от многих профессоров-классиков того времени, ограничивавшихся чисто филологическим, литературным анализом памятников, стремление связать изучение последних с историей их времени, привлечь к их объяснению данные археологии и памятников искусства. Его занятия, знакомившие с элементами «исторического анализа»¹¹, привлекали Васильевского и, видимо, сыграли немалую роль в развитии его интереса к римской истории, в том числе и к более поздним ее периодам. Известно, что литература и исторические проблемы истории Римской империи разрабатывались в Москве в это время только С. В. Ешевским¹². Можно также считать несомненным, что из занятий с Благовещенским Васильевский вынес не только интерес к римской истории и глубокое убеждение в значении данных археологии и памятников искусства для изучения истории античного и средневекового обществ, но и приобрел известные навыки в привлечении подобного материала. Уже в студенческие годы Васильевский заинтересовался работами Г. Моммзена. По воспоминаниям Модестова, «одной из первых им была приобретена «Римская история» Моммзена, к которому он всегда чувствовал большое влечение и вполне разделял взгляд его на Римскую империю. . .»¹³. Он читал Моммзена в немецких изданиях и настолько хорошо знал немецкий текст его «Истории», что в последние годы обучения, будучи крайне недоволен русским ее переводом, сам перевел часть его работы и готовил ее для издателя¹⁴.

Все это в известной мере объясняет направление интересов Васильевского и его желание готовиться к профессуре именно в Германии, и прежде всего в Берлине. В 1862 г. Васильевский был командирован в Берлинский университет. Приехав туда¹⁵, он прежде всего записался на лекции Моммзена по римской истории и его курс по Privat-Reden Цицерона, а также слушал «методологию и энциклопедию исторических наук» Дройзена¹⁶ (в письме от 29 октября 1862 г. он пишет, что «заплатил два золотых Дройзену и один Моммзену»). Слушая лекции Моммзена по истории римского государственного права в период республики, Васильевский большое внимание уделял самостоятельному изучению крупнейших авторов эпохи империи, готовясь к дальнейшим занятиям у Моммзена.

В следующий семестр Васильевский продолжал посещать лекции Моммзена по государственному праву римлян и по истории «первых времен» империи и готовился к обещанным им «упражнениям» (Übungen) в римской истории. Интересны его собственные суждения об этих занятиях: «Для меня собственно критические упражнения, — писал он, — только и могут быть вполне полезны в области римской истории»¹⁷. Васильевского особенно восхищало умение Моммзена привлекать данные археологии, эпиграфики, нумизматики, папирологии для исторического исследования.

rjenigen Studierenden. . . bis Juni 1844. List. C., Sect. VII., Bd. I., № 25, § 90. Автор пользуется случаем выразить свою сердечную признательность д-ру Р. Дрюккер, заведующей архивом, за помощь в разыскании этих материалов.

¹¹ Биографический словарь. . ., стр. 54.

¹² История эпохи Империи по политическим соображениям не имела особой популярности среди русских либеральных исследователей. Пользовавшийся большим влиянием Куторга считал достойной изучения только классическую античность и не сочувствовал интересам Васильевского к римской истории.

¹³ В. И. Модестов. Указ. соч., стр. 143.

¹⁴ Там же, стр. 144.

¹⁵ В архиве Берлинского университета, в Amtliches Verzeichnis des Personals und der Studierenden, сохранилась запись о Васильевском (Berlin, 1862, S. 42). Васильевский жил в Берлине на Мауэрштрассе, 47.

¹⁶ Отчет В. Г. Васильевского за 1862 г. от 11 ноября 1862 г. — ЖМНП, 1862, ч. 116, стр. 164—166.

¹⁷ Отчет В. Г. Васильевского за 1863 г. — ЖМНП, 1863, ч. 119, стр. 41.

Он говорил, что у Моммзена все использовано — «и хронология, и монеты . . .»¹⁸.

Кроме лекций Моммзена, Васильевский посещал лекции и занятия Яффе (по римской и средневековой хронологии), которого он считал «неблестящим, но в высшей степени полезным»¹⁹ в области латинской палеографии, дипломатики и хронологии. Меньшее влияние на него оказали занятия Кёнке. Из отчетов Васильевского видно, как в эти годы крепло у него убеждение в значении изучения истории Римской империи. Уже во втором своем официальном отчете он утверждал, что «римская история представляет равный интерес» с греческой²⁰. И влияние на него в этом отношении Моммзена бесспорно. По воспоминаниям Модестова, «от начальных ее периодов он перешел на второй год к Римской империи, куда его увлекли . . . лекции Моммзена»²¹.

Однако влияние Моммзена на Васильевского едва ли следует преувеличивать. Из отчетов Васильевского видно, что его возраставшее неудовлетворение вызывали лекции тех профессоров, которые ограничивались «политической историей»²². В связи с этим обращает на себя внимание развитие его интереса к экономическим проблемам. Уже по приезду в Берлин Васильевский записался и посещал лекции проф. Гнейста по «политической экономии»²³. Вынужденный в 1863 г. выехать для лечения на воды, Васильевский затем некоторое время занимался в Лейпциге (1863—1864 гг.). Здесь его особое внимание привлекли лекции проф. В. Г. Ф. Рошера по истории народного хозяйства и национальной экономики²⁴. Как видно из отзыва Васильевского, Рошер ему нравился своим «историческим подходом», и он характеризовал его прежде всего как «представителя исторического направления в политической экономии»²⁵. Посещение занятий Рошера он продолжил и в следующем семестре²⁶. В остальное время Васильевский преимущественно занимался совершенствованием в исторической критике.

Характерно, что в этот период он уже делает упор не столько на филологическую, сколько на историческую критику. «Занятия, — писал он, — дают драгоценную возможность — знакомиться под руководством опытных мастеров исторического искусства с самими приемами, техникой науки»²⁷. Лично же Васильевского в то время все более интересовали важнейшие писатели эпохи империи, и прежде всего Тацит, «которые, сколько мне известно, менее всего разрабатывались кричливой исторической, не избираются или, по крайней мере, не избирались предметом специальных курсов»²⁸. Васильевский внимательно следил за всеми новыми работами по Тациту и истории империи. Одним из первых опубликованных его трудов был написанный в Германии обзор «О новых сочинениях по истории

¹⁸ В. И. Модестов. Указ. соч., стр. 159. «Такого соединения громадной специальной учености, — писал Васильевский, — и живого понимания, представления дела я, конечно, не встречал».

¹⁹ ЖМНП, 1863, ч. 119, стр. 40.

²⁰ Там же, стр. 38—39.

²¹ В. И. Модестов. Указ. соч., стр. 153.

²² ЖМНП, 1862, ч. 115, стр. 146.

²³ В. И. Модестов. Указ. соч., стр. 158.

²⁴ Перечень его лекций за 1863/64 г. см.: Verzeichnis der im . . . 1863/64 auf der Universität Leipzig zu haltenden Vorlesungen, S. 8, 9.

²⁵ Отчет В. Г. Васильевского за сентябрь, октябрь и ноябрь 1863 г. — ЖМНП, 1864, ч. 121, стр. 226. Очевидно, частично основные идеи этих лекций были изложены Рошером в «Ansichten der Volkswirtschaften aus dem geschichtlichen Standpunkt», 2., univ. Auflage, Leipzig—Heidelberg, 1861.

²⁶ Отчет В. Г. Васильевского за январь, февраль и март 1864 г. — ЖМНП, 1864, ч. 122, стр. 466.

²⁷ Там же, стр. 467 (прежде всего он, по-видимому, имеет в виду занятия Г. Курциуса, А. Вестерманна, Р. Клотца, Фриште).

²⁸ Там же, стр. 437.

Римской империи», в котором он рассматривал книги Штара (Tiberius. Berlin, 1863) и Штруве (Tacitus und Tiberius)²⁹. Обращает на себя внимание то, что эти работы вызвали неудовлетворение Васильевского прежде всего неглубоким проникновением авторов в сущность исторических событий³⁰. Васильевского, как видно, привлекала уже не столько политическая история императорского Рима, сколько другие, социально-экономические ее аспекты³¹. При всем уважении к Моммзену³², Васильевского, по-видимому, не совсем удовлетворяло в нем то, что Моммзен в русле общей немецкой традиции основное внимание все же концентрировал на политической, государственной истории Рима и провинций.

Таким образом, суммируя итоги пребывания Васильевского в Германии³³, следует прежде всего отметить усовершенствование им приемов и методов исторического анализа. Как справедливо отмечал Модестов, Васильевский «не достиг бы и в изучении византийской истории «того сильного положения, которое выпало ему на долю, если бы не приступил к ней во всеоружии превосходной подготовки именно по римской истории»³⁴. Отмечая значение Моммзена и Л. Ранке, лекции которого по истории Римской империи также слушал в Берлине Васильевский³⁵, для изучения византийской истории, Г. А. Острогорский особо подчеркивал, что после работ того и другого стало невозможно больше поддерживать «легенду о тысячелетнем упадке какого-либо государства»³⁶. Возможно, что в известной мере и этим исследователям отчасти обязан В. Г. Васильевский утверждением своих представлений о прогрессивном развитии Византии. В то же время развитие его интереса к проблемам социально-экономической истории, видимо, было в большей мере связано с интересом к этим проблемам в России³⁷.

Пребывание Васильевского в Германии оказалось полезным еще в одном отношении. Столкнувшись с резко повинистическими и националистическими воззрениями ряда немецких историков (Дройзен³⁸ и др.), Васильевский укрепился в своем неприятии националистических тенденций в науке. Может быть, этим мы отчасти и обязаны тому, что Васильевскому оказались чужды те резкие черты панславизма, которые были так характерны для многих крупных византинистов и славистов второй половины XIX — начала XX в. Поездка Васильевского положила начало научным связям русской и немецкой византистики. Крупнейший немецкий византинист К. Крумбахер специально изучил русский язык для того, чтобы читать работы русских византинистов и, как вспоминает А. А. Васильев, специально приезжал в Петербург, чтобы установить с ними контакты.

²⁹ ЖМНП, 1864, ч. 121, стр. 256 и сл.

³⁰ Там же, стр. 256.

³¹ Мы не имеем прямых упоминаний об этом в отношении Моммзена, но лекциями Кёпке Васильевский был не удовлетворен прежде всего потому, что тот ограничивался только «политическими событиями» (ЖМНП, 1862, ч. 115, стр. 146).

³² См., например, его рецензию на издание Моммзена: *Jordanis Romana et Getica. Monumenta Germaniae Historica. Auctorum antiquissimorum tomus V, Pars prior.* Berlin, MDCCCLXXII. — ЖМНП, 1888, ч. 222, стр. 371—388.

³³ ЖМНП, 1863, ч. 117, стр. 298.

³⁴ В. И. Модестов. Указ. соч., стр. 163.

³⁵ ЖМНП, 1863, ч. 119, стр. 37.

³⁶ G. Ostrogorsky. *Histoire de l'état Byzantin.* Paris, 1956, p. 32.

³⁷ D. Obolenski. *Modern Russian attitudes to Byzantium.* «Jahrbuch der Österreichischen byz. Gesellschaft», XV, 1966, S. 68; J. Irmscher. *Zum Byzanzbild der Deutschen Historiographie des 18. und 19. Jahrhunderts,* S. 97—99.

³⁸ См., например, за те же годы отчет Стефановича (ЖМНП, 1864, ч. 122, стр. 378). О Дройзене см. В. Bravo. *Philologie, histoire, philosophie de l'histoire. Etude sur J. G. Droysen, historien de l'Antiquité.* Wroslaw—Varsovie—Cracovie, 1968. Возможно, что все это также было одной из причин, почему Васильевский перестал ходить на лекции по средневековой и немецкой истории.